

Слонов Иван Андреевич

**В Америку: Путевые заметки 1909
Г**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Андреевич С.**
В Америку: Путевые заметки 1909 г / Слонов Иван Андреевич – М.: Книга по Требованию,
2024. – 38 с.

ISBN 978-5-519-73960-3

ISBN 978-5-519-73960-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Путешествіе въ Америку. Парижъ. Лондонъ. Вестминстерское Аббатство. Парламентъ. Суфра-жистки. Британскій музей. Дворецъ Туэзръ. Гюръма Маріи Стюартъ.

Взявъ въ Международномъ обществѣ билетъ въ второго класса за 138 руб. на пароходъ „Мавританія“, отхившій 12-го сентября изъ Ливерпуля въ Нью-Йоркъ, я, 21-го августа, выѣхалъ изъ Москвы съ побѣдомъ люкъ въ Парижъ, въ который прибылъ ровно чрезъ 55 часовъ. (Описывать Парижъ я не буду. Кто жъ изъ насъ не знаетъ этого новаго Вавилона?) Проживъ въ немъ всего восемь дней, я отправился далѣе чрезъ Кале и Дуверъ въ Лондонъ; здѣсь я пробылъ десять дней.

Лондонъ послѣ Парижа кажется очень солиднымъ и дѣловымъ городомъ; здѣсь и люди другіе, — болѣе здоровые, серьезные и гордые сознаниемъ собственного достоинства.

Первый разъ я въ Лондонѣ былъ въ 1900 году и онъ съ тѣхъ поръ нисколько не измѣнился. Мнѣ лично Лондонъ очень нравится, — въ немъ много есть интереснаго. Описаніе Лондона начну съ Вестминстерскаго Аббатства. Это старинное, стильное, красивое, болшое зданіе, гдѣ погребены великіе государственные люди, надъ могилами которыхъ поставлены ихъ статуи, художественно исполненныя изъ Каррарскаго мрамора. Особое вниманіе обращаютъ на себя статуи Гладстона и Биконсфилда. (эти двѣ различныя величины поставлены почему-то рядомъ).

Затѣмъ мнѣ удалось, благодаря любезности моего лондонскаго гйда, редактора Англо - Русскаго журнала,

Николая Герасимовича Лебедева, достать билетъ на засѣданіе Лордовъ и Нижней Палаты Общинъ, которая помѣщается также въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ. Залъ засѣданій Лордовъ сравнительно не великъ, но красивъ; по срединѣ его помѣщается большой длинный столъ; у одной изъ стѣнъ стоитъ Королевскій тронъ; у подножія послѣдняго находится скамья, на которой председательствуетъ Скиперъ, въ черной мантіи и бѣломъ парикѣ, получающій жалованья въ годъ 150.000 рублей.

Остальная три стороны зала заняты скамьями въ пять рядовъ, обитыми краснымъ сафьяномъ. На одной изъ скамей я замѣтилъ большое черное пятно. На мой вопросъ, что это значитъ, мнѣ объяснили, что одинъ лордъ запустилъ въ другого чернильницей, которая и оставила слѣдъ.

На этихъ скамьяхъ возсѣдаютъ лорды; они держатъ себя во время засѣданія очень свободно: нѣкоторые изъ нихъ сидятъ въ циннѣрахъ, другіе просто полулежатъ на диванахъ и скамьяхъ, но въ общемъ засѣданіе проходитъ прилично и спокойно.

У лордовъ въ парламентѣ есть все свое, начиная съ капеллы, гдѣ ихъ крестятъ, вѣнчаютъ, отпѣвають и т. д., и кончая отелемъ въ 800 комнатъ. Въ томъ же зданіи находится у нихъ роскошный клубъ; въ послѣднемъ, какъ мнѣ сказали, въ прошломъ году лорды

прожили только на одномъ шампанскомъ 16 миллионовъ рублей!

Та же самая обстановка и въ Нижней Палатѣ Общинъ, гдѣ засѣдаютъ представители всѣхъ сословій; простота здѣсь еще большая. Пресса и публика, какъ въ Верхней, такъ и Нижней Палатѣ, помѣщаются на хорахъ, куда допускаютъ послѣ строгого контроля и только по именнымъ билетамъ.

Женщинамъ вообще входъ запрещенъ; имѣютъ право входа на хоры исключительно только однѣ жены лордовъ и членовъ Нижней Палаты.

У воротъ Парламента стоятъ полисмены; рядомъ съ ними я замѣтилъ нѣсколько женщинъ. Мнѣ объяснили, что это суфражистки. Послѣднія раздавали всѣмъ проходящимъ свои воззванія о равноправіи мужчинъ и женщинъ. Мнѣ показалось немного страннымъ такое сосѣдство.

Суфражистки выглядываютъ настоящими мегерами. Послѣ мнѣ нѣсколько разъ приходилось наблюдать ихъ митинги; идетъ кучка суфражистокъ съ большими знаменемъ, останавливается въ паркѣ или на площади; одна изъ нихъ взбирается на ящикъ или на бочку и начинаетъ ораторствовать о равноправіи, эмансипации и проч. Когда она охрипнетъ, влѣзаетъ другая, продолжатъ начатое; публика слушаетъ и добродушно посмѣивается.

Британскій музей—это дивное и колоссальное хранилище старинныхъ предметовъ искусства и драгоценностей; коллекціи его единственныя, которымъ равныхъ еще нѣтъ нигдѣ. Осмотрѣть ихъ всѣ нужно время не менѣе года. Въ этотъ разъ я осмотрѣлъ Египетскій отдѣлъ, въ которомъ замѣчательны: мумія Клеопатры,

прекрасно сохранившаяся, и еще другая, подъ названіемъ „мумія смерти“, про которую въ каталогѣ сказано, что, кто къ ней ни прикасался, всѣ умирали.

Затѣмъ въ Греческомъ отдѣлѣ, очень интересны колонны и барельефы изъ храма Венеры, Акрополя и друг. памятники греческой культуры.

Далѣе, осмотрѣлъ тщательно отдѣлъ Ротшилда, который недавно пожертвовалъ сюда свои знаменитыя драгоценности, миниатюры, складни, амулеты и проч. Отдѣлъ этотъ крайне интересенъ и богатъ.

. Тууръ—старинный дворецъ. Въ немъ помѣщаются музей орудій пытки и стариннаго оружія; интересны большія коллекціи отбитыхъ у насъ въ Севастополѣ пушекъ, кремневыхъ ружей, тесаковъ и проч., изъ послѣднихъ сдѣланы красивыя перила. Затѣмъ осмотрѣлъ находящуюся тутъ же мрачную тюрьму, въ которой была заключена и убита Марія Стюартъ. Въ этомъ же дворцѣ, въ отдѣльномъ помѣщеніи, хранятся королевскія регалии со множествомъ величайшихъ брилліантовъ и другихъ драгоценныхъ камней. Тутъ же находится самый большой въ мірѣ брилліантъ—Калскій.

На дворѣ этого зданія я видѣлъ ученіе солдатъ: оно оригинально и курьезно. Солдаты, довольно бравые, одѣты въ ярко-красные щеголеватые костюмы, съ небольшими ружьями, а нѣкоторые въѣсто ружей имѣли въ рукахъ маленькія палочки, съ которыми они и маршировали. Это ярко-одѣтое грозное войско имѣло важный и въѣстъ съ тѣмъ очень комичный видъ. Съ этими палочками солдаты разгуливаютъ и по Лондону.

Тоннель подъ Темзой, Тюбъ. Картина галерея. Театры. Рестораны. Олимпія. Выставка дѣтей. Полиція. Магазины.

Тоннель подъ рѣкой Темзой, протяженіемъ въ $1\frac{1}{2}$ версты, сдѣланъ очень красиво и прочно изъ желѣза, кирпичей и цемента: онъ хорошо освѣщается электричествомъ. Когда я проѣзжалъ имъ, то вспомнилъ о чашѣ смерти; объ этомъ же, мнѣ кажется, думали и дру-гіе, т. к. надъ нашими головами была многоводная рѣка съ проходящими по ней океанскими пароходами.

Дона въ Лондонѣ невысокіе и въ большинствѣ самой простой архитектуры: красивыхъ зданій я видѣлъ очень мало. Улицы узкія, кривыя и не совсѣмъ чистыя. Подземное движеніе устроено въ нѣсколько ярусовъ и очень глубоко подъ землею, куда пассажировъ спускаютъ и поднимаютъ большими лифтами по 40 человекъ и болѣе. Поѣзда называются „тюбъ“ и „метрополитенъ“, ходятъ они очень быстро, плата дешевая, — 3 к. въ конецъ.

На улицахъ движеніе экипажей, автомобилей, омнибусовъ, кэбовъ и проч. очень большое; держатся лѣвой руки.

Национальная картинная галерея не велика, но очень хороша и интересна; въ ней имѣется много картинъ Рафаэля, Тициана, Рубенса и друг.; изъ нихъ особенно хороша большая картина Св. Екатерины, кисти Рафаэля.

Театровъ въ Лондонѣ множество, но всѣ они похожи одинъ на другой и далеки отъ чистаго искусства; англичане требуютъ отъ театра, чтобы было весело, смѣшно и патристично; для этого достаточно пропѣть патристическую пѣсенку, выкинуть какое-нибудь колѣно, приправленное глупѣйшимъ разсказомъ, или просто показать палецъ вверхъ—всѣмъ хочутъ и довольны, что и слѣдовало доказать.

Рестораны сравнительно недурны и недороги; они всегда переполнены публикой. Мнѣ часто приходилось подолгу ждать свободнаго стола. Въ нихъ курьезно то, что хлѣбъ къ кушаньямъ подается за отдѣльную плату.

Я нѣсколько разъ обѣдалъ въ Вегетарианскомъ ресторанѣ, гдѣ кормятъ прекрасно и дешево.

Олимпія—это громадное желѣзное зданіе, въ которомъ бываютъ постоянно какія-нибудь выставки. На сей разъ я попалъ на выставку грудныхъ дѣтей, которыхъ сюда ежедневно во множествѣ приносятъ матери. Здѣсь ихъ осматриваютъ эксперты и назначаютъ болѣе здоровымъ и красивымъ дѣтямъ преміи, изъ коихъ первая 100 р., вторая 50 р. и т. д. Тутъ же происходятъ разныя игры дѣтей всѣхъ возрастовъ.

Далѣе расположены выставки различныхъ рукодѣлій, игрушекъ, комнатныхъ собачекъ, птицъ и проч.

Полиція въ Лондонѣ идеальная; полицмены, всѣ на подборъ, народъ мужественный, образованный и въ высшей степени корректный; всѣ получаютъ хорошее жалованье и поэтому здѣсь о взяткахъ, какъ говорятъ, не имѣютъ никакого понятія.

Магазины въ Лондонѣ очень хороши, особенно универсальныя; цѣны въ нихъ сравнительно недорогія; я здѣсь приобрѣлъ для себя много полезныхъ вещей, прикупилъ которыхъ я расплачивался Англійскими кредитными билетами, при чемъ въ каждомъ магазинѣ меня просили написать, чернилами на этихъ билетахъ, мое имя, отчество, фамилію и адресъ.

Гайдъ-паркъ. Зоологическій садъ. Уайтъ-Чепель. Уайтъ-Чепель. Армія спасенія. Контора Кинаръ и К^о.

Лондонскіе парки очень велики и красивы: изъ нихъ особенно хорошъ Гайдъ-паркъ, въ которомъ каждый день бываютъ большіе митинги. Онъ занимаетъ страны большѣ пятидесяти десятинъ. Повсюду разбиты прекрасныя дороги для экипажей и отдѣльно для верховой ѣзды. Во всѣхъ паркахъ разбѣшается ходить, гдѣ угодно, по травѣ, которая низко скашивается машинами. Гулять здѣсь большое наслажденіе и въ паркахъ всегда множество гуляющихъ.

Зоологическій садъ большой и хорошо устроенъ. Въ немъ много рѣдкихъ звѣрей и птицъ, которые содержатся образцово. Изъ первыхъ особенно выделяется коллекція большихъ обезьянъ, у которыхъ всегда толпится много публики. Затѣмъ обращаетъ вниманіе большой слонъ, на которомъ катаютъ дѣтей: онъ важно идетъ за вожатымъ по дорожкамъ сада, подходитъ къ скамейкамъ, на которыхъ сидитъ публика, и выпрашиваетъ у ней маленькіе кусочки бѣлаго хлѣба.

Уайтъ-Чепель — знаменитый кварталъ лондонскихъ подонковъ и мѣстопробываніе воровъ. Онъ представляетъ собою цѣлый лабиринтъ невысокихъ домовъ, узкихъ улицъ и переулковъ... На мостовой послѣднихъ сидятъ во множествѣ безработные и бездомные люди: изъ нихъ большинство стариковъ. Эти несчастные паріи, питающіеся всякой мерзостью, включительно до костей и отбросовъ изъ помойныхъ ямъ. Они круглый годъ живутъ на мостовыхъ, тутъ же и ночуютъ; это разбѣшено полиціей, потому что ихъ такъ много, что не хватаетъ для всѣхъ ночлежныхъ домовъ. Видъ этихъ

несчастныхъ поистинѣ ужасенъ. Въ Уайтъ-Чепель повсюду разбросаны еврейскія лавки, куда, какъ говорятъ, обывають всѣ украденныя вещи, а кражъ въ Лондонѣ великое множество. Мнѣ на каждомъ шагѣ приходилось видѣть плакаты или слышать напоминаніе — беречь свои карманы. Я видѣлъ мѣста, гдѣ Джекъ вспарывалъ животы своимъ жертвамъ. Тутъ же я осмотрѣлъ старинный кабачекъ, описанный Диккенсомъ, въ которомъ на потолокъ и до сего времени висятъ скелеты кошекъ, крысъ и т. п. Оглядевшись кругомъ, я замѣтилъ по всѣмъ угламъ много подозрительныхъ личностей, мужчинъ и женщинъ. Я поспѣшилъ отсюда выбраться. Въ обществѣ осматривать этого квартала далеко не безопасно.

Въ Лондонѣ я впервые увидѣлъ „Армію спасенія“, — съ гармоніей и бубнами идутъ нѣсколько дѣвушекъ и мужчинъ: на звуки ихъ незамысловатой музыки собирается кучка любопытныхъ людей. „Армія“ останавливается, становится на колѣни, затѣмъ встаетъ и члены арміи по очереди начинаютъ говорить проповѣди, за проповѣдью слѣдуетъ опять музыка и т. д.

Осмотрѣвъ, что было возможно, въ Лондонѣ, я сталъ подумывать о дальнѣйшемъ путешествіи. Контора Кинаръ и К^о, куда я обратился за нѣкоторыми справками относительно парохода „Мавританіи“, предложила мнѣ переимѣнить предварительный билетъ, выданный мнѣ въ Москвѣ, на подлинный; затѣмъ взяли отъ меня подписной листъ съ самымъ подробнымъ описаніемъ: кто я, откуда, куда ѣду, къ кому, зачѣмъ, сколько мнѣ лѣтъ, какъ мое здоровье, есть ли у меня деньги (не менѣе

100 руб.), имѣю ли я друзей, кто и гдѣ они и т. д. Изъ этой бумаги я понялъ, какой серьезный путь предстоитъ мнѣ впереди.

Мавританія. Отплытіе. Пароходная жизнь. Океанъ. Буря.

Пароходъ Мавританія чудовищно великъ и высокъ,—онъ имѣетъ 450 шаговъ длины и 40 шаговъ ширины, 4 трубы и 4 винта, идетъ со скоростью 35 верстъ въ часъ.

Рядомъ съ нимъ обыкновенные пароходы кажутся карликами. Я ѣхалъ во второмъ классѣ, каюты въ немъ (каждая для четырехъ человѣкъ) очень удобны и чисты, съ массой воздуха и свѣта.

Въ тотъ же день въ 5 час. вечера, Мавританія тронулась въ далекій путь. При отходѣ ея на пристани было болѣе 5000 человѣкъ провожающихъ, напутствовавшихъ насъ маханіемъ платковъ, шляпъ и проч.; разумѣется, были и слезы. Въ общемъ картина проводовъ была очень красивая.

День на пароходѣ Мавританія проходитъ слѣдующимъ образомъ: въ 7 час. утра будятъ пассажировъ уарами въ гонгъ, въ 7½ час. тѣмъ же инструментомъ зовутъ къ утреннему завтраку, за которымъ подается мясо, рыба, фрукты, чай и проч. Послѣ завтрака пассажиры, которыми Мавританія была переполнена, выполняютъ на палубы (послѣднихъ здѣсь нѣсколько) для прогулки или лежать на разставленныхъ тутъ же креслахъ.

Въ 12 ч. дня опять гудитъ гонгъ,—это зовутъ къ обѣду, за которымъ подается то же самое, что и за первымъ завтракомъ, прибавляется только супъ. Кор-

12-го сентября утромъ я отправился въ Ливерпуль, въ специальномъ поѣздѣ, который подошелъ прямо къ пристани.

мать въ общемъ на Мавританіи очень плохо. Послѣ обѣда нѣкоторые читаютъ, другіе ложатся спать. Я все время гулялъ по всемъ палубамъ и любовался пустыннымъ океаномъ, на которомъ не видно ни птицъ, ни рыбъ, ни пароходовъ; послѣднихъ мы въ теченіе пяти сутокъ встрѣтили только два. Затѣмъ я дѣлалъ наблюденія надъ пароходной жизнью, которая довольно интересна.

Въ 5 час. вечера снова гудитъ гонгъ, зовутъ къ вечерней закускѣ и къ чаю. Послѣдній пьютъ не такъ, какъ у насъ,—имъ запиваютъ здѣсь мясо, рыбу и пр. Чай подается цвѣточней, очень пахучій; я его пилъ охотно.

Затѣмъ слѣдуютъ опять прогулки, чтеніе, игра на пианино въ салонѣ. Въ послѣднемъ, въ теченіе дня, два раза играетъ очень недурный струнный квартетъ. Большинство пассажировъ въ 10 час. вечера ложится спать.

Плаваніе мое было очень удачное. Я страстно желалъ видѣть бурю на океанѣ, и вотъ, какъ разъ же срединѣ его, какъ американцы говорятъ „въ ямѣ“, въ ночь на 15-ое сентября, началась сильная качка: меня начало катать по койкѣ изъ стороны въ сторону; спать было невозможно. Я быстро вскочилъ, началъ одѣваться, но послѣднее исполнить было не такъ легко, потому что бросало съ страшной силой отъ одной койки къ другой. Я долго продѣлывалъ различные саломортале, пока, наконецъ, одѣлся и быстро пошелъ на

палубу. Но выйти туда было нельзя: палубу обдавало брызгами и дождемъ. Я сталъ у открытой двери, держась за поручни, и началъ наблюдать за происходившимъ.

Кругомъ тьма,—было два часа ночи; свистъ и вой вѣтра, дождь, громадныя волны съ страшной силой ударялись о нашъ пароходъ. Буря продолжалась цѣлый день. Я долго любовался грозной и величественной картиной бурнаго океана.

Кругомъ парохода на необъятномъ пространствѣ ходили гигантскія водяныя горы, на острыхъ вершинахъ которыхъ вѣтеръ образовывалъ бѣлыя гряды, которыя, въ видѣ чудовищъ, летѣли со всѣхъ сторонъ на нашъ пароходъ и съ страшной силой разбивались о него, обдавая всѣ палубы брызгами.

Мавританію сильно качало и ставило бокомъ; иногда казалось, что вотъ сейчасъ эти ужасныя водяныя горы расшибуютъ вдребезги нашего гиганта и мы всѣ пойдѣмъ ко дну.

Но гигантъ исполнялъ свое дѣло прекрасно и продолжалъ и въ бурю идти не менѣе 30 верстъ въ часъ. Большинство пассажировъ и почти всѣ пассажиры страдали морской болѣзью. Въ этотъ день за табль-

дотомъ было не болѣе 10¹/₂, остальные лежали больныя въ каютахъ. У меня во время бури и во все время остального плаванія самочувствіе и аппетитъ были прекрасные. Къ вечеру, когда буря стала утихать, начали появляться на палубу пассажиры съ лимонными физіономіями и мутными глазами. На другой день вошло солнце и всѣ болящіе скоро выздоровѣли.

На Мавританіи есть все: безпроводочный телеграфъ, почта, библіотека, газета, которая печатается на пароходѣ и выходитъ каждое утро, струнный квартетъ, салоны, игральныя комнаты, ресторанъ, ванны и проч. Въ салонѣ, сегодня напр., пѣла молодая, но некрасивая американка; у нея великолѣпное контральто и хорошая школа. Публика наградила пѣвицу громкими и продолжительными аплодисментами. Днемъ происходятъ на палубахъ разныя игры и спорты, какъ-то: игры въ лепешки, въ свинку, бѣга дамъ съ картофелемъ на чайной ложкѣ, борьба на палкахъ и друг. За играми слѣдитъ жюри; побѣдителямъ и побѣдителямъ вечеромъ раздавались призы въ видѣ брошекъ, булавокъ, портсигаровъ, кошельковъ и проч.

Прибытіе въ Америку. Гавань Нью-Йорка. Таможни. Отель Бельмонтъ. Иллюминація. Воздушный садъ.

17-го сентября съ ранняго утра всѣ пассажиры, а главнымъ образомъ пассажиры, нарядились въ лучшее платье и ходятъ всѣ въ веселомъ и нѣскольکو приподнятомъ настроеніи; я догадался, что подплываемъ къ Америкѣ.

Стали встрѣчаться пароходы и парусныя суда, показались чайки, затѣмъ на горизонтѣ начали обрисовываться едва замѣтной чертой берега Америки.

Только тотъ, кто самъ испыталъ долгій и опасный переѣздъ черезъ океанъ, можетъ понять то чувство

„Hotel Belmont“
Отель Бельмонтъ.

радости и нетерпѣнія, которое охватываетъ всѣхъ пассажировъ при приближеніи къ берегу.

Наше путешествіе продолжалось ровно пять сутокъ. Въ 5 час. вечера, Мавританія остановилась посреди обширной Нью-Йоркской гавани. Къ ней тотчасъ же подошли и стали рядомъ небольшой пароходъ съ таможенными чиновниками.

Началась скучная и долгая процедура съ багажемъ, который былъ весь отобранъ отъ пассажировъ. Загнѣвъ каждую вещь клали въ отдѣльный мѣшокъ и съ громадной вышины, съ Мавританіи, спускали ихъ по наклоннымъ доскамъ въ трюмъ таможенного парохода, при чемъ чемоданы сильно уродовались.

Видъ изъ гавани на Нью-Йоркъ представляетъ оригинальную картину. Вы видите передъ собой цѣлый рядъ высочайшихъ зданій, похожихъ на фабричные корпуса, это такъ называемые здѣсь „небоскребы“, нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ вышину 46 этажей, они на европейцевъ производятъ подавляющее впечатлѣніе.

Въ гавани и въ порту было большое движеніе разныхъ судовъ и пароходовъ. Изъ послѣднихъ особенное вниманіе обращали на себя большіе пароходы въ нѣсколько застѣкленныхъ этажей, ярко освѣщенныхъ электричествомъ и съ тупыми носами.

Впослѣдствіи я узналъ, что эти страннаго вида пароходы входятъ прямо въ пристань, упираются въ нее носомъ вплотную, затѣмъ забираютъ публику, лошадей съ экипажами и съ возами и перевозятъ ихъ на другой берегъ рѣки Гузона къ вокзаламъ жел. дор. Означенные пароходы находятся въ движеніи и день, и ночь.

Наконецъ, къ 8 часамъ была окончена скучная работа съ багажемъ, и Мавританія тихо двинулась къ при-

станіи, около которой ее ждали подъ парами 12 маленькихъ пароходовъ, которые зацѣпили канатами корму нашей великаниши, чтобы подтащить ее къ пристани, и началось сѣзное пыхтѣніе и фырканье этихъ питмеевъ. Послѣ долгихъ усилій имъ наконецъ удалось притащить Мавританію къ пристани, на которую всѣ спѣшили выйти. Вышелъ и я и сталъ искать въ громадномъ зданіи пристани, длинной не менѣе полверсты, встрѣчавшаго меня священника миссіонера Владимира Владиміровича Александрова. Народу на пристани было нѣсколько тысячъ и мнѣ стоило большого труда его найти. Наконецъ мы съ нимъ встрѣтились, облобызались, и онъ тутъ же представилъ меня своей супругѣ Розѣ Петровнѣ.

Затѣмъ мы получили изъ таможи мой багажъ и всѣ отправились въ первоклассный отель Бельмонтъ, который находится прямо противъ центрального вокзала; этотъ отель имѣетъ 23 этажа надъ землей и 4 этажа подъ землей; фундаментомъ этого грандіознаго зданія служить гранитная скала.

Бельмонтъ былъ открытъ лѣтомъ 1906 года; постройка его потребовала времени четыре года и стоила 10,000,000 долларовъ.

Этотъ домъ имѣетъ собственный выходъ на подземную дорогу на 4-й Avenue.

Въ немъ за пять долларовъ дали мнѣ въ 17-мъ этажѣ роскошный номеръ съ ванной и уборной комнатой.

Какъ наружне, такъ и внутреннее устройство американскихъ отелей очень оригинально.

Отель Бельмонтъ, въ которомъ я поселился, представляетъ собою большое и очень высокое коробообразное зданіе, самой простой архитектуры, но внутренняя отдѣлка его чрезвычайно богата и роскошна.

Вы входите въ большой свѣтлый и высокой вестиболь, прекрасно отдѣланный розовымъ мраморомъ, убранный цвѣтами и обставленный роскошной мебелью. Здѣсь всегда много публики, располагающейся, какъ у себя дома; васъ никто не спрашиваетъ, зачѣмъ вы сюда пришли, что вамъ нужно. — каждому предоставляется полная свобода пользоваться этимъ прекраснымъ помещеніемъ.

Затѣмъ имѣется богатый ресторанъ, концертный залъ, гдѣ каждый желающій можетъ безплатно слушать музыку и пѣніе, банкъ, биржевая комната, гдѣ выставляются телеграммы съ биржъ всего свѣта, баръ и проч.

Противъ входа помѣщается за прилавкомъ контора, а по-англійски „офисъ“. Если вы желаете занять номеръ, то обращаетесь въ офисъ, гдѣ вамъ даютъ книгу, въ которой вы пишете свое имя и мѣсто, откуда прибыли, и вамъ выдаютъ ключъ отъ номера.

Всѣ многочисленные американскіе отели по своему устройству и порядкамъ похожи одинъ на другой.

У себя въ номерѣ, въ 17-омъ этажѣ, куда я поднимался на лифтѣ съ быстротой молніи, мнѣ пришлось наблюдать интересное явленіе: на стѣнѣ висѣла въ рамѣ большая гравюра; я обратилъ на нее вниманіе, потому что она качалась, какъ маятникъ; я вначалѣ подумалъ, что она съ механизмомъ; посмотрѣлъ — ничего механическаго нѣтъ; пустилъ — опять закачалась... тутъ я понялъ, что качается не картина, а самъ Бельмонтъ.

Когда я бывалъ въ своемъ „высочайшемъ“ номерѣ, я каждый разъ прислушивался къ особенному шуму и гулу Нью-Йорка.

Онъ похожъ на гигантскую фабрику, гдѣ круглая сутки, и день и ночь все стучитъ, гремитъ и гудитъ, не умолкая ни на минуту.

Видъ изъ моего номера на городъ и гавань очаровательный; — я подолгу любовался дивной картиной.

Въ день моего пріѣзда Нью-Йоркъ праздновалъ столѣтіе рожденія Гудзона и Фултона. Весь городъ былъ иллюминированъ электричествомъ. На темномъ фонѣ ночи особенно красивую картину представляли собой Бруклинскій мостъ и фабрика Эдиссона, — они были унизаны миллиардами электрическихъ лампочекъ. По пріѣздѣ мы тотчасъ же отправились на автомобиль любоваться иллюминаціей. На улицъ было множество гуляющихъ и катающихся въ экипажахъ и автомобиляхъ; послѣдніе ѣхали въ нѣсколько рядовъ шагомъ и съ большими остановками. Когда мы добрались до 5 авеню, то увидѣли длинный рядъ высокихъ бѣлыхъ колоннъ, иллюминированныхъ зелеными лампочками: эта декорация представляла очень красивую картину.

Свернувъ въ боковую улицу, мы поѣхали въ отель Асторъ; здѣсь мы осмотрѣли его грандіозный концертный залъ, затѣмъ поднялись на лифтѣ на крышу 24 этажа, гдѣ разбитъ большой садъ, съ гротомъ, фонтаномъ, большими деревьями, кустарниками и массой цвѣтовъ.

Мы съ удовольствіемъ гуляли въ этомъ диковинномъ американскомъ саду и долго любовались отсюда иллюминированнымъ Нью-Йоркомъ, послѣ чего спустились внизъ въ ресторанъ ужинать.

Нью-Йоркъ. Уличное движеніе. Бродвей. Боуэри. Рекламы. Выборная агитація. Дома Рокфеллеръ.

Нью-Йоркъ, имѣющій жителей болѣе 4-хъ милліоновъ, быстро растущій въ вышину и длину, расположенъ на узкомъ и длинномъ островѣ Мангеттенъ. Почва его сплошной твердый гранитъ. Планировка города правильная, онъ весь раздѣленъ на небольшие кварталы, по-здѣшнему блоки: улицы широкія, чистыя и прямыя, названій не имѣютъ (исключая двухъ главной Бродвей и Боуэри), а называются цифрами 1, 2, 3, 4 и т. д.; всѣхъ улицъ 250. На многихъ изъ нихъ, въ центральныхъ частяхъ, мостовыя сдѣланы изъ деревянныхъ плитъ Никольсоновской системы, и содержатся въ большемъ порядкѣ и чистотѣ.

Движеніе на улицахъ чудовишно большое и шумное, особенно сильно гремятъ воздушные желѣзнодорожные поѣзда, которые тысячами летаютъ по всему городу. Тутъ движеніе со всѣхъ сторонъ, — надъ головой, съ боковъ и подъ ногами, всѣ и все куда-то летитъ съ головокъ и докопывается до ногъ. Здѣсь даже похоронныя процессіи ѣдутъ рысью, потому что время—деньги.

Въ центрѣ города на большихъ улицахъ, по широкимъ асфальтовымъ тротуарамъ, подростки малюпки и дѣвочки, ловко лавируя между публикой, быстро катаются на колесныхъ конькахъ.

Я первое время не могъ одинъ перейти улицу, — боялся, что задавятъ, но потомъ привыкъ и перебѣгалъ свободно.

Особенно сильно движеніе на 5 авеню и на главной улицѣ Бродвей. На послѣдней помѣщается множество театровъ и большихъ универсальныхъ магази-

новъ, стѣны которыхъ испещрены вывѣсками и поразительными рекламами; изъ послѣднихъ особенно красивы и оригинальны ночью электрическія. Напр., выскоко на крышѣ стоитъ дама подъ зонтомъ; идетъ дождь, при чемъ подолъ ея платья сильно колыхается вътрюми; все это исполнено электричествомъ; далѣе, громадная бутылка, величиною не менѣе сажени, ежеминутно откупоривается и изъ нея течетъ въ стаканъ электрическое пиво и друг.

Днемъ пускаютъ громадные змѣи, подъ которыми висятъ бумажныя фигуры людей, держащія въ рукахъ рекламъ. Изъ одного большого магазина ежедневно поднимаются громадный шаръ „баллонъ-каптивъ“, подъ которымъ на канатѣ развѣваются гигантскіе флаги съ рекламами.

Затѣмъ во многихъ бойкихъ мѣстахъ, въ виду предстоящихъ выборовъ, высоко надъ серединой улицы, были развѣшены большія полотна съ портретами и именами кандидатовъ для выбора въ губернаторы и меюры г. Нью-Йорка.

Миѣ пришлось наблюдать здѣсь выборную агитацію — на нѣкоторыхъ улицахъ устроены временныя деревянные трибуны, обитыя краснымъ кумачемъ, на которыхъ помѣщаются музыканты и ораторы, клеветы разныхъ кандидатовъ, которые въ антрактахъ восхваляютъ заслуги и добродѣтели своихъ патроновъ и возносятъ ихъ до небесъ. Кругомъ стоитъ большая толпа, слушаетъ и посмѣивается.

На Бродвей миѣ удалось видѣть оригинальную процессію солдатъ съ ружьями, одѣтыхъ въ шотландскіе кос-